

Dohnal, Josef

**Литература и мораль : ("Бен-Товит" Л. Андреева и несколько вопросов, касающихся настоящего времени)**

*Opera Slavica*. 1995, vol. 5, iss. 3, pp. 30-36

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (handle):

<https://hdl.handle.net/11222.digilib/116889>

Access Date: 21. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

**ЛИТЕРАТУРА И МОРАЛЬ**  
 («Бен-Товит» Л. Андреева и несколько вопросов,  
 касающихся настоящего времени)

Йозеф Догнал

Могло бы показаться, что говорить о морали в связи с литературой будет ничем иным как повторением многих давно всем известных высказываний классиков литературоведения и этики. Однако, мне кажется, вопрос надо поставить по-другому: стоит ли связывать литературу с моралью и в настоящее время? Если нет, то почему? А если да, то с какой моралью? Я, пожалуй, сейчас же предупреждаю, что ответа ни на один из только что поставленных вопросов дать не смогу, да даже не очень то хочу, но все-таки мне хочется поделиться несколькими замечаниями, которые приходят в голову, когда речь идет о смысле литературы (или культуры в более широком смысле слова, потому что литература именно в настоящее время очень тесно связана с другими видами искусства, прежде всего, пожалуй, с фильмом, телевидением и современной музыкой). Опереться хочу на текст малоизвестного андреевского рассказа. Почему? Вместо объяснения я приведу отрывок из текста, который как раз подходит по своему предмету тому, на что я хотел бы обратить внимание:

"... z řady obecných skutečností zřetelně vysvítá: mimořádných výdobytků nové doby, objevů a vynálezů ve všech oblastech a uhájení pokroku proti rostoucí konkurenci bylo dosaženo velkou duševní prací a jen jí mohou být uchovány. Nároky na výkonnost jednotlivce v existenčním boji značně stouply a ten jim může dostat jen s vypětím všech svých duševních sil; současně vzrostly ve všech kruzích potřeby jednotlivce a nároky na životní požitky, a neslýchaný přepych se rozšířil i na ty vrstvy obyvatelstva, které jím byly předtím zcela nedotčeny; v širokých lidových kruzích přibýlo náboženské lhostejnosti, nespokojenosti a žádostivosti; nesmírně vystupňovanými dopravními možnostmi a telegrafními a telefonními sítěmi, obepínajícími celý svět, se zcela změnil poměr v obchodu a směně: všechno probíhá ve spěchu, noc je využívána k cestování a den k uzavírání obchodů, dokonce i "rekreační cesty" se staly zdrojem námahy pro nervový systém; velké politické, průmyslové a finanční krize vnášejí neklid do daleko širších kruhů obyvatelstva než dříve;

zcela obecnou se stala účast na politickém životě: politické, náboženské a sociální boje, stranické zápasy, volební agitace a nezměrně vystupňované spolkaření rozpalují hlavy, nutí mysl k stále novému vypětí a ukrádají čas pro zotavení, spánek a odpočinek; život ve velkých městech se stal stále rafinovanějším a neklidnějším. Vyčerpané nervy hledají zotavení ve vystupňovaném dráždění, v silně okořeněných požitcích, aby tak dospěly k ještě větší únavě; moderní literatura se zabývá převážně nejožehavějšími problémy, které jítíř všechny vášně, podporují smyslnost a požívačnost, pohrdání všemi etickými zásadami a všemi ideály; předvádí čtenářovu duchu patologické postavy, psychopaticko-sexuální, revoluční a jiné problémy; náš sluch je vzrušován a nadměrně drážděn vtíravou a hlučnou hudbou servírovanou ve velkých dávkách, divadla upoutávají svými vzrušujícími představeními všechny smysly; i výtvarná umění se obracejí nejraději k odpuzujícímu, ohyzdnému a rozčilujícímu a neostýchají se stavět nám před oči s odpuzující realitostí i to, co skutečnost skýtá nejhrožejšího."<sup>1</sup>

Не так уж важно, кто вышеприведенные строчки написал, а важно то, когда это произошло - было это не в конце XX века, как нам, наверно, хотелось бы верить, а в 1893 году. Кажется, что проблемы, которые автор затронул, ближе нашей эпохе, чем нам хотелось бы верить. Ничего в этом деле не изменил факт, что технические возможности настолько возросли, что мерить канун третьего тысячелетия масштабом конца XIX века просто нельзя. Дело заключается в том, что, несмотря на все исследования в направлении искусственной интеллигенции, все еще единственным сознательно созерцающим свое существование в известном нам мире существом является человек. Значит, если мы станем говорить о морали, о всем, что с ней связано, надо, во-первых, сказать, что мы хотим говорить как раз о том, что важно с точки зрения именно человека. А говорить о морали, по-моему, надо прежде всего потому, что нет никакой другой категории, кроме, наверно, совести, которая давала бы возможность совместить и одновременно конфронтировать индивидуальное с общественным, причем не на основе каких-то принятых, в книгах или на гибких дисках написанных неизменяемых, для всех и навсегда применимых правил, а в качестве чего-то интер-индивидуального, соединяющего отдельного человека со всеми другими членами данного общества, которое постепенно сознательно или бессознательно становится единым обществом всего мира.

Более ста лет тому назад сформулировано Эрбом то, что можно очень подобными словами выразить и в настоящее время - только надо было бы добавить несколько новых слов - радио, телевидение, самолеты, автомобили, атомная энергия, рок-музыка, полеты в космос,

---

*Erb, W.:* Über die wachsende Nervosität unserer Zeit. Heidelberg 1893. Citováno podle: *Freud, S.:* "Kulturní" sexuální morálka a moderní nervozita. V: Freud, S.: O člověku a kultuře. Praha 1990, s. 63-64.

наркотики, может быть, и постмодернизм в искусстве подходил бы как один из чуть, хочется сказать, модных терминов.

«Как быть человеку в таком мире?» - вот вопрос, который ставили себе в конце прошлого века, но который ставим себе в настоящее время и мы, причем он ничего не потерял из своей актуальности, кажется, наоборот, он является одним из наиболее «жгучих» вопросов наших дней. Так же, как и тогда, в центре такого вопроса стоит вопрос об определенных качествах, атрибутах человеческого общества и человека как индивида, так как человек очень быстро конфронтируется с вопросом о том, насколько самостоятельно он способен ориентироваться в таком быстро меняющем свой облик мире.

Несколько позднее - в конце 40-х годов XX века - чешский философ Вацлав Черны очень четко заметил на эту тему, обобщая опыт экзистенциальной литературы, что:

"Co existencialismus popřít, je obecná a pro všechny rovně platná a táž objektivní podoba světa. V potřebě takové podoby vidí zbytek myšlení diváckého, nešťastně spektakulárního. ... existencialismus upozorňuje, že ... také rozum je rozumem takovým nebo onakým podle toho, jenž jím vládne, a klasická filozofie prostě ponechává stranou fakt, že bytost poznávající je bytostí existující. Výsledkem toho jest, že svět, tzv. objektivně poznáný klasickou filozofií, je "světem vůči nikomu", holou konstrukcí bez člověka, jenž v ní svět bude poznávat. Východištěm názoru na svět musí být ne teorie poznání, ale teorie člověka, poznání poznávajícího subjektu: počínající touto bází, systematicka světa se rázem navždy rozplyne. Není jí. Svět objektivní zajisté jest, a jest jediný a neredukovatelný na subjekt: ale jest nesčíslněkrát poznáván a interpretován, pokaždé jinak a pokaždé pravdivě."<sup>2</sup>

Именно об этом и рассказывает андреевское произведение начала 1905-ого года, содержание которого мне пришло в голову, когда я думал о теме моего выступления; вот в чем дело: у иерусалимского торговца Бен-Товита стали болеть зубы. Сначала один только зуб, а на другой день было намного хуже - как будто заболели все зубы. Странно - ведь именно тот день, который все началось, был таким успешным для Бен-Товита - он очень выгодно выменял своего старого осла на молодого и сильного. Зубная боль, однако, меняет его расположение, так что другой день утром, когда он проснулся и почувствовал боль, более сильную, чем ночью, он стал ругать жену, несмотря на то, что он был «...добрый и хороший человек, не любивший несправедливости».<sup>3</sup> Весь последующий день потом проходит под влиянием именно этой боли - ничего не способно умалить ее, даже известие, что внизу,

<sup>2</sup> Černý, V.: První sešit o existencialismu. V: Černý, V.: První a druhý sešit o existencialismu. Praha 1992, s. 31-32.

<sup>3</sup> Андреев, Л.: Собрание сочинений, т. 1. Москва 1990, с. 555.

на улице, ведут разбойников. Среди разбойников - Иисус, окруженный толпой, спотыкающийся под крестом. Именно в тот момент, когда Бен-Товит посмотрел на толпу, на споткнувшегося Иисуса, боль стала острее. Он застонал - «... и отошел от парашета, брезгливо равнодушный и злой.

Как они кричат! - завистливо сказал он, представляя широко открытые рты с крепкими неболеющими зубами, и как бы закричал он, если бы был здоров.»<sup>4</sup> Обращение к нему жены, которая сообщила, что Иисус исцелял слепых, приводит его эгоистически ориентированной реплике: «Ну конечно! Пусть бы Он исцелил вот мою зубную боль.»<sup>5</sup> Результатом всего эпизода - прохода толпы около дома Бен-Товита является констатация: «...зрелище несколько развлекло Бен-Товита, а быть может, помог в конце концов крысиный помет, и ему удалось уснуть. А когда он проснулся, боль почти исчезла, и только на правой челюсти вздулся небольшой флюс, настолько небольшой, что его едва можно было заметить.»<sup>6</sup>

Потом пришел сосед Самуил, и Бен-Товит вместе с ним и с женой пошли посмотреть на Голгофу. Темой разговора стало, однако, не то, что произошло с Иисусом, но происшествие, касающееся Бен-Товита. Бен-Товит по пути «... повторил рассказ и потом вернулся к тому отдаленному времени, когда у него испортился еще только первый зуб, внизу с левой стороны. Так в оживленной беседе они пришли на Голгофу. Солнце, осужденное светить миру в этот страшный день, закатилось уже за отдаленные холмы, и на западе горела, как кровавый след, багрово-красная полоса. На фоне ее неразборчиво темнели кресты, и у подножия среднего креста смутно белели какие-то коленопреклоненные фигуры.

Народ давно разошелся; становилось холодно, и, мельком взглянув на распятых, Бен-Товит взял Самуила под руку и осторожно повернул его к дому. Он чувствовал себя особенно красноречивым, и ему хотелось досказать о зубной боли. Так шли они, и Бен-Товит под сочувственные кивки и возгласы Самуила делал страдальческое лицо, мотал головой и искусно стонал - а из глубоких ущелий, с далеких обожженных равнин поднималась черная ночь. Как будто хотела она сокрыть от взоров неба великое злодеяние земли.»<sup>7</sup>

Два события разного порядка открыто конфронтлируемые в рассказе, как будто намекают на ежедневную экзистенциальную ситуацию,

<sup>4</sup> Андреев, Л.: цит. произв., с. 556.

<sup>5</sup> Там же, с. 557.

<sup>6</sup> Там же, с. 557.

<sup>7</sup> Там же, с. 557-558.

в которой индивид находится в будничной, реальной жизни - мировые события протекают в то же самое время как и события, имеющие место в его личной, индивидуальной жизни. То, чему и какое значение, какую ценность, он приурочит, зависит от многих обстоятельств. Однако в центре всех этих обстоятельств находится именно данный человек как индивид, в его сознание происходит очень сложный - или очень простой - процесс взвешивания ценностей. Кто или что способно помочь? Не имеется много таких «помощников», вспомогательных факторов. Кажется, мораль является одним из них. Мораль более subtilна, чем законы, приказания, заветы. Мораль тоже индивидуальна, она является одной из точек прикосновения индивидуального мира с общественным миром как целым. Мораль является и одним из факторов, которые как бы дают оценку индивиду. Острый контраст событий, описываемых в рассказе, ставит Бен-Товита на определенное место среди других, дает ему «оценку» с точки зрения не индивидуальной, а, в данном случае, с точки зрения мирового христианства, а может быть, и всего мира. Хотя он имеет право видеть значение событий по-своему, с точки зрения своей «оптики», рассказ показывает несостоятельность такой оптики с наиндивидуальной точки зрения. А «оптика», которой пользуется человек при создании своего мироощущения, своего образа мира, не дается генетически, а является никогда не совершенно законченным продуктом влияния генетического, наследственного, если хотите, несознательного, и общественного, того, что как-то исходит за рамки индивида как отдельной личности и дает ему возможность сделать тот шаг, которым индивидуальное и общественное соединяются в одно целое.

Хотя Черны в вышеприведенной цитате формулирует данное мнение, говоря об экзистенциализме, кажется, что он затронул один из наиболее тонких философских вопросов, нацеленных на понимание положения человека в мире. Оппозиция индивид - остальные индивиды (намеренно не хотим пользоваться термином *масса*, так как этот термин как будто исходит из сплоченности массы, чего, по-нашему, нет, потому что индивид чаще всего конфронтирован не с массой как таковой, а с индивидами или группами индивидов, выступающими «от имени» массы, воплощающими массу, дающими ей «плоть») становится одной из основополагающих тем XX века, темой философской и культурологической, т. е. и темой, к которой может сказать свое слово и литература. Она даже обладает определенной способностью, которая дает ей возможность взять данную задачу на себя более удачно, чем другие виды человеческой деятельности - литература исходит из индивида, делая это, правда, разными способами, но так или иначе - даже тогда, когда литературный персонаж изображается в качестве абстрактного - он сохраняет многие приметы, которые приурочивают его к конкретным времени и пространству, к определенным ценностям, которые индивидуализируют его, воплощаясь в его конкретных мыслях, оценках, поступках, высказываниях. В них нельзя не выразить

позицию (согласие, оппозицию, или даже равнодушие), причем очень часто как раз по отношению к другим по подобному принципу созданным литературным персонажам. Индивидуальное таким способом конфронтируется опять с индивидуальным. Столкновение двух мнений дает возможность взвесить идеи, содержащиеся в этих мнениях, принять, отвергнуть, найти третий, свой ответ. Мне кажется, что именно в этом была и есть сила действительно художественной литературы, русской классической литературы в частности. Пафос отрицания, поисков, формирования своего образа мира, способности как будто выйти из своей тени, стать индивидом, который видит, мыслит и чувствует наиндивидуальнее. Стоит в этом отношении вспомнить Достоевского, Л. Н. Толстого, Чехова, Бунина и можно было бы перечислить многих и многих других русских писателей.

Специфические свойства и возможности, данные искусству, тесно связаны с понятием эстетической ценности, которая является чем-то вроде коллективного достояния, ценностью «наиндивидуальной», которая так или иначе опять связана с вопросом об идеале. Описать это можно словами Франишека Мико: "V estetickej hodnote teda vystupujú spoločenské hodnoty a v nich je to zase ona, ktorá funguje ako ich aspekt. Treba d'alej vedieť, že extrapolácia do ideálna nie je nejakým monopolom umenia. Stretávame sa s ňou aj v iných semiotických aktivitách spoločenského vedomia: v náboženstve, filozofii, ideológii, politike, jurisdikcii, morálke, pedagogike a - po kognitívnej linke - i vo vede. Čím sa proti nim vyznačuje umenie, je osobitný, konkrétnejší a pritom syntetický charakter, ktorý je schopný spontánne a intenzívne angažovať l'udskú osobnosť. V tom je potom umelecká tvorba nezastupiteľná."<sup>8</sup>

Для того, чтобы читатель воспринимал литературное произведение как несущее кроме других общественных информации и информацию о моральном аспекте, для того, наверно, нужен определенный уровень морального жизненного опыта, знание границ, за которыми кончается моральное и начинается аморальное. Однако, это очень тесно связано с типом культуры и с индивидуальными условиями быта и личности даного, в нашем случае литературного, индивида. То, что кажется моральным, скажем, члену бандитской группы, покажется, наверно, аморальным тем, кто не может согласиться с основами, на которых строится мораль такой группы. Дать в таком случае какие-то общие правила морали, сказать, *как надо жить*, не реально. Но в силах литературы строить идеалы или показать анти-идеал (вот «человек из подполья» Достоевского, или же тот самый Бен-Товит из одноименного рассказа Л. Андреева). Роль идеала недостижимого, непознанного

<sup>8</sup> Miko, F.: Štýl, informácia, hodnota. V: Miko, F.: Hodnoty a literárny proces. Bratislava 1982, s. 81-82.

в своем целом - вот тот момент, о котором, наверно, и стоит вновь говорить в связи с литературурой.

Кажется, что новая волна современной литературы, иногда очень близкая к натурализму - литературному течению, связанному с расширением кругозора, вобранием в круг тем литературных произведений новых явлений, которые скорее «описываются», чем эстетически осмысливаются, представляет собой момент, по-нашему, задуматься о качествах, связанных с этими явлениями, момент, когда вновь надо поставить вопрос о роли литературы в обществе, находящемся на определенном перекрестке, на котором находятся наши общества, то есть чешское, словацкое, русское, но и другие, не исключая тех обществ, которые в последние годы не прошли настолько бурными изменениями как наши страны. Сложность данного момента состоит в том, что из современного перекрестка можно идти не двумя-тремя путями, а сотней, тысячей путями. Роль в создании новой атмосферы играет и литературная критика, и литературоведение. Позитивистически ориентированное литературоведение приносит много знаний, обогащает многими частными достижениями в области теории, однако, кажется, надо интензивно развивать и другую ветвь литературоведения, литературную теорию и критику, нацеленные на индивида, на его целостное развитие, на его приобщение к новым идеалам. А найти такие идеалы, стоящие того, чтобы помогать их развитию и осмыслению, это дело прежде моральное, связанное с ответственностью не за отдельное «Я», а за то, что «я» и «мир», субъект и объект станут ближе друг другу. Существуют как минимум две возможности: или попытаться найти какие-то основные идеи, дающие человеческому бытию конца XX века толчок, приводящие людей к подъему, к движению к идеалу, или подчиниться той роли искусства, которую можно наблюдать отчасти в фильме, литературе, музыке - т. е. помочь провести время, о котором восприниматель не знает, куда его девать: То есть - можно или чувствовать зубную боль, из-за которой все другое кажется малым, лишь помогающим отвлечь внимание от этой боли, хотя бы на несколько минут или часов, или можно чувствовать значение времени, действительное значение отдельных явлений, очистить значение и силу идеалов от фраз, политических, идеологических, отчасти и географических и других предвзятий и предрассудков, и без ненужного пафоса стать на путь очищения идеала, в том числе и морального, приобщающего к себе, помогающего людям находить смысл не только внешнего по отношению к ним мира, но и мира внутреннего, их самих. Дело не в телеологии - нет, наверно, никакой заранее заданной цели, а есть путь к индивиду, к глубинному осмыслению его теперешнего существования, и стремление помочь ему и себе самому на дальнейшем пути. Это тоже - дело моральное.